

Примечания

¹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 48.

² Цит. по: *Суля В.* Юзеф Пилсудский. М., 2009. С. 248–249.

³ Цит. по: *Шевченко К.В.* «Политика вредная и бессмысленная...»: западнобелорусская пресса о политике Польши в белорусском вопросе в 1920–1921 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XII. М., 2012. С. 289. Характерно, что с демагогическими заявлениями Пилсудский обращался и к западноевропейской аудитории. В феврале 1920 г., за два месяца до вторжения в Украину, говоря в интервью газете «L'Echo de Paris» о необходимости освобождения народов Украины, Белоруссии и Литвы от большевизма, он

провозгласил: «Мы на штыках несём этим несчастным странам безоговорочную свободу» (*Зубачевский В.А.* Взаимоотношения Польши, России и Германии в 1920 году // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 42).

⁴ Как вспоминал позднее Пилсудский, польская армия «почти без попыток вступить в бой неустанно отступала, набирая при этом такой темп, что через месяц оказалась у ворот столицы, расположенной примерно на расстоянии 600 километров в тылу». Генерал С. Шептицкий, судя по письму, написанному офицером его штаба Сламировским полковнику Пискору 6 июля 1920 г., после успешных атак войск М.Н. Тухачевского находился в крайне тяжёлом психическом состоянии и публично говорил: «Мы должны большевиков на коленях молить о мире» (*Суля В.* Указ. соч. С. 274–275).

Война и судьбы: общий контекст и частные сюжеты*

Несмотря на значительную традицию изучения истории Великой Отечественной войны, в многочисленных исследованиях последнего времени активно поднимаются новые проблемы и вводятся в оборот новые источники. Рецензируемый сборник статей может служить хорошим примером этой тенденции.

Статьи, объединённые в книге, тематически разделены на три раздела. К первому относятся исследования о ситуации в немецком тылу, Холокосте, оккупационной политике, коллаборационизме, партизанском движении. Так, С. Мэддокс (США) наполняет конкретным содержанием понятие «карательные отряды», выявляя источники их комплектования и мотивацию карателей. Роль женщин в деятельности ОУН и УПА рассматривает, применяя методы гендерной истории, О. Петренко (Германия). В статье Ц. Гительмана (США) говорится о белорусских евреях-партизанах и о распространённых в партизанском движении антисемитских настроениях. О массовом уничтожении военнопленных, главным

образом еврейской национальности, частями вермахта практически на месте пленения рассказывает Т. Пастушенко (Украина). О восприятии красноармейцами Холокоста в результате личного опыта и сквозь призму советской пропаганды пишет в своей статье А. Зельцер (Израиль). Концентрационные лагеря, расположенные на Украине, как часть общей лагерной системы рейха рассматривает С. Аристов (Россия). Массовый побег из «классического» концлагеря Маутхаузен и судьбу немногих выживших описывает М. Кальтенбруннер (Австрия).

Во втором разделе книги исследуются проблемы советского тыла. Его открывают размышления М. Дэвида-Фокса (США) о периоде войны как отдельном этапе эволюции сталинского режима. Свойственную ему централизованную систему распределения продуктов питания и дополнившие её нелегальные практики экономической активности рассматривает В. Голдман (США). В статье Д. Фильцера (Великобритания) собраны материалы о массовом голоде и борьбе за выживание

* СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм / Под ред. О.В. Будниченко (отв. ред. и сост.) и Л.Г. Новиковой. М.: РОССПЭН, 2014. 432 с. Книга подготовлена по материалам международной научной конференции «Вторая мировая война, нацистские преступления и Холокост на территории СССР», проведённой Международным центром истории и социологии Второй мировой войны НИУ «Высшая школа экономики» 7–9 декабря 2012 г. (URL: <http://hist.hse.ru/war/conference>).

в советском тылу. О феномене голода, запускающего процесс распада цивилизованного общества, пишет С.В. Яров при рассмотрении ситуации в осаждённом Ленинграде. В ряде случаев, как показывает В.В. Шабалин, местные партийные элиты использовали появившиеся благодаря войне и ослаблению контроля новые возможности для злоупотреблений. Наименее обеспеченной в материальном и правовом плане категорией населения были эвакуированные на восток советские граждане, особенно евреи, что показывает, говоря об антисемитизме в тылу, О.Л. Лейбович. Серьёзной проблемой, как пишет А.С. Кимерлинг, являлось возвращение рабочих эвакуированных предприятий после завершения войны в родные места. По разным причинам власти препятствовали таким передвижениям.

Третий раздел сборника посвящён памяти о войне и её отражению в советской культуре, хотя подобные сюжеты присутствуют и в других статьях (исключение советских граждан из числа карателей в официальной пропаганде у С. Мэддокса и конкуренция между разными версиями одного события у М. Кальтенбруннера). Г. Эстрайх (США) пишет об освещении в литературе темы боевого сотрудничества между традиционными «врагами»: казаками и евреями. Вызванные войной изменения в советском кино, художественном и документальном, рассматривает В. Познер (Франция). Её интересуют основные конструкции, идеи и образы военных фильмов. Появление уже после войны одного из самых узнаваемых сегодня символов – журавлей – детально исследует М.Л. Майофис. Сложность работы над подобными сюжетами показывает статья И.В. Кукулина. В литературных произведениях о войне он находит скрытое отображение иных тем, что нередко меняет само восприятие источника. О важности исследования проблем памяти и символов напоминает статья С. Плохия (США), посвященная злключениям с памятником Сталину в Запорожье. Смотри в будущее без оптимизма, автор задаётся вопросом: неужели «уже нет надежды на возобновление диалога между Восточной и Западной Украиной по вопросам политики, языка, культуры и истории?».

В целом данная книга демонстрирует важные тенденции в развитии исторического знания о войне. Стоит отметить положительные изменения в языке исследований, отход от пересказа разного рода руководящих и агитационных документов с использованием их же лексических конструкций, что лишь продлевает жизнь бюрократическим стереотипам и штампам. Преодоление фетишизации ведомственной документации сопровождается активным использованием источников личного происхождения: дневников, писем, воспоминаний. Эти материалы способны не только рассказать об их авторах, но и помочь в изучении конкретно-исторических сюжетов. Методологически сборник ориентируется на социальную историю и историю повседневности. Эта тенденция всё чаще проявляется в историографии Великой Отечественной войны. С государств и армий внимание историков переключилось на малые группы и отдельных людей, с событий – на особенности их восприятия, с того, как всё «было на самом деле», – на идеологические конструкты и изменения в памяти.

Продолжающаяся постановка новых вопросов и открытие отдельных сюжетов связаны, с одной стороны, с обширностью темы войны, с другой – с её комплексностью. Многие направления исследований корректируют наши представления об отдельных явлениях военной истории, помогают вписать частные сюжеты в целостную картину времени, дать более аргументированные оценки тех или иных событий, представить читателям всё многообразие проблем. Рассматриваемая книга ещё раз напоминает о том, насколько важным контекстом истории войны было перемещение десятков миллионов людей: беженцев, пленных, эвакуированных, депортированных, угнанных на работы в рейх, репатриированных. В хаосе, создаваемом подобными потоками, миллионы людей либо оказывались жертвами, либо, в лучшем случае, сталкивались с необходимостью сложнейшей социальной адаптации в постоянно меняющихся обстоятельствах тотальной войны, кровавого противостояния государств и вражды социумов.

После попадания фронтов и армий в немецкое окружение в Белостокском

выступе, под Киевом, Брянском или Вязьмой, когда командование окончательно теряло связь с войсками, а комсостав переставал силой удерживать подле себя бойцов, перед последними вставал выбор дальнейшего пути. Часть из них, группируясь вокруг командиров в относительно крупные соединения или объединяясь в мелкие группы, пыталась не столько прорваться, сколько просочиться из окружения и соединиться с Красной армией. Все остальные стратегии выживания были связаны с жизнью на оккупированной территории. Широкое распространение получало намерение уйти в лес и вести войну против оккупантов – в первую зиму войны подавляющее большинство партизан были «окруженцами»¹. Не желавшие больше воевать разбредались по окрестным населённым пунктам, пытались пробраться оттуда в родные места, кому было некуда идти – пристраивались к вдовам и «солдаткам»². При встрече с немцами они имели все шансы стать военнопленными и присоединиться к тем, кто, минуя предшествующие стадии, попал в плен непосредственно на поле боя³. Не нашедшие после этого смерть в лагерях и не угнанные в Германию военнопленные использовались на разного рода работах оккупационной администрации. Также существовала практика освобождения пленных из числа местных жителей⁴. В статье Т. Пастушенко, помимо прочего, сообщается о евреях, которым удалось таким образом вырваться из рук вермахта и СС, выдав себя за украинцев.

С развитием событий на советско-германском фронте становилось всё меньше окруженцев, спокойно проживавших на оккупированных территориях. Способное носить оружие мужское население призывалось в партизанские отряды или разного рода коллаборационистские формирования и органы. Впрочем, идейных антисоветчиков также хватало. Анализируя термин «карательные отряды» и приходя к выводу о его расплывчатости, С. Мэддокс, однако, показывает, что карательные функции выполняли соединения, состоявшие в том числе из антисоветски настроенных жителей прибалтийских республик, дезертировавших из РККА. В силу вынужденного для

многих выбора неудивительны переходы частей коллаборационистов на сторону партизан или обратный процесс трансформации партизан в полицаев. В статье Ц. Гвительмана о партизанах-евреях на территории Белоруссии говорится даже о «мощном заряде антисемитизма», который коллаборационисты, бойцы Армии Крайовой и УПА, привнесли в партизанское движение.

Многие военнослужащие, попавшие в плен, пытались бежать, но сделать это оказалось непросто. С. Аристов, рассматривая концлагеря на территории Украины и сравнивая их с лагерями рейха, задаётся вопросом об отсутствии в них организованных форм борьбы и объясняет это ликвидацией потенциальных лидеров (евреев, коммунистов, политруков) ещё до попадания в лагерь (об этом пишет также Т. Пастушенко). В отсутствие взаимной поддержки единственным способом выжить было сотрудничество с лагерной администрацией или вербовка в коллаборационистские части, занимавшиеся охраной тех же концлагерей. Когда же состав узников способствовал самоорганизации, результатом могли стать решительные действия, описанные в статье М. Кальтенбруннера, причём в организации побега участвовали и члены лагерной obsługi, после войны даже выдвинувшие собственную версию событий, подчёркивающую их весомую роль в обеспечении успеха мероприятия.

Освобождение пленных происходило и в результате действий партизан. При этом реакция освобождённых могла быть прямо противоположной ожидаемой: «Несколько десятков пленных под охраной татар-добровольцев и немцев рубят и вывозят лес... Мы скрытно подобрался к охранению, забросали гранатами пулемётную точку, подняли стрельбу... вдруг с удивлением видим, что вместо того чтобы залечь или к нам бежать, они (пленные. – *А.Л.*) в основном вместе со своими охранниками разбегаются»⁵. Подобные примеры показывают всю сложность ситуации, в которую попали миллионы людей, оказавшиеся в плену или оккупации. Остаться в стороне, «переждать» горячее время было практически невозможно, а ценой выбора «неправильной»

стороны конфликта являлась жизнь. На оккупированных территориях практически всё мужское население оказалось между мобилизациями в партизаны, полицию, националистические формирования (в последнем случае, как показывает О. Петренко, мужчинами дело не ограничивалось), угоном в Германию в качестве «остарбайтеров». Не столько идейные соображения, сколько сила текущих обстоятельств нередко определяли позицию и стратегии выживания.

Возвращение на родину выживших военнопленных и угнанных на работы в Германию, а также реинтеграция оккупированных территорий, как известно, в значительной мере осуществлялись при помощи сложного и недостаточно изученного механизма «филтрации». Помимо очевидных политических причин филтрация, осуществлявшаяся органами госбезопасности в условиях лишения свободы в специальных лагерях, была вызвана трудностями, с которыми сталкивалось государство, «расставляя по местам» столь большие массы людей в столь короткое время. Возможно, поэтому бывшим советским военнопленным и окруженцам, проходившим проверку в спецлагерях НКВД, несмотря на политическую дискриминацию, руководящими директивами полагалось питание, приближающее их к действующей армии⁶. Учитывая, что в период проверки их направляли работать на промышленные предприятия, вокруг столовых которых, как показала В. Голдман, группировались все желающие «подкормиться», можно сделать вывод о едва ли не привилегированном положении «бывших военнослужащих». Однако статья В.В. Шабалина о тыловой номенклатуре напоминает нам о возможном существенном расхождении директив и практики. Автор выявил информацию о злоупотреблениях местного руководства на комбинате «Молотовуголь». Эти новые данные отчасти объясняют причины высокой смертности от дистрофии в спецлагере № 0302, который обслуживал предприятия «Кизелуголь» и «Молотовуголь»⁷.

Прошедшие проверку в спецлагерях «бывшие военнослужащие», которые

массово передавались в промышленность, даже после окончания войны оставались закрепленными за индустриальными «объектами» и не могли уехать к прежнему месту жительства. Эта практика, однако, была типична не только для «спецконтингента». В статье А.С. Кимерлинг показано, что в схожей ситуации оказались эвакуированные граждане, которые могли бы уклониться от эвакуации, как это делали идейные антисоветчики⁸, но предпочли оккупации отправку в далёкий тыл. Во всех отношениях тяжкое положение эвакуированных показывает в своей статье О.Л. Лейбович. Вырванные из привычной жизненной среды, люди приспосабливались к новым обстоятельствам, нередко испытывая определенную дискриминацию. Сомневаться в их лояльности у власти не было никаких поводов, тем более что подозрительных уже выявило НКВД⁹. Однако, как пишет А.С. Кимерлинг, после войны «потребности экономики не позволяли провести быструю и массовую реэвакуацию».

Помимо массовых насильственных перемещений чрезвычайно остро по обе стороны фронта стояла проблема продовольственного обеспечения. Сквозь призму распределения ресурсов исследователи традиционно оценивают степень эффективности советской военной мобилизационной системы. Согласно исследованию Д. Фильцера, на советской территории речь следует вести о самом настоящем голоде, когда каждая банка «второго фронта» могла спасти жизнь человеку. В. Голдман же пишет о решающей роли государства в снабжении населения, с которой оно успешно справилось. Вместе с тем приводимые В. Шабалиным факты коррупции тыловой номенклатуры проливают некоторый свет на нелегальные механизмы перераспределения ресурсов, тесно связанные с формальным статусом участников этих практик. В совокупности такие наблюдения и размышления показывают сложность и многогранность проблемы функционирования советской мобилизационной системы.

Примечания

¹ См.: *Пережогин В.А.* Из окружения и плена – в партизаны // *Отечественная история.* 2000. № 3.

² *Павлов М.П.* Процессы и судьбы. Киев, 1992. С. 83.

³ Об общем количестве советских военнопленных см.: *Земсков В.Н.* «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // *Российская история.* 2011. № 3.

⁴ Всего до конца 1941 г. из немецкого плена были освобождены 270 тыс. красноармейцев, а к началу 1945 г. – 533 тыс. (1941 год: Страна в огне: В 2 кн. Кн. 1. Очерки. М., 2011. С. 669).

⁵ *Сермуль А.А.* 900 дней в горах Крыма. Симферополь, 2004. С. 60.

⁶ *Шевченко В.В.* Деятельность лагерей специального назначения НКВД СССР в 1941–1946 годах. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. С. 106–107.

⁷ РГВА, ф. 1-п, оп. 2н, д. 81, л. 45–46.

⁸ См.: *Осипова Л.* Дневник коллаборантки // «Свершилось. Пришли немцы!»: Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012.

⁹ О бюрократических злоключениях эвакуированных, не имевших при себе паспортов, см.: *Попов В.П.* Паспортная система в СССР (1932–1976) // *Социологические исследования.* 1995. № 9.

А.В. Сперанский. На войне, как на войне... Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург: Сократ, 2012. 408 с., ил.

Современные историки при изучении проблем, связанных с развитием Урала – «опорного края державы» в годы Великой Отечественной войны, выявили массу новых источников, выработали особые концептуальные подходы к исследованию важнейших вопросов и пришли к выводу о необходимости теоретической переоценки военных событий и дальнейшего углубления научных изысканий субрегионального направления. В связи с этим были опубликованы интересные работы, касающиеся жизнедеятельности в годы войны Челябинской и Оренбургской областей, Башкирии и Удмуртии, но Свердловская обл., которая внесла значительный вклад в борьбу с врагом на территории Урала, осталась без должного внимания исследователей. Поэтому весьма актуальной оказалась написанная доктором исторических наук профессором А.В. Сперанским монография, по сути ставшая первым интегративным трудом, отразившим основные тенденции геоэкономического, институционально-политического и социокультурного развития Свердловской обл. в рассматриваемый период.

Все ключевые процессы, определившие количественные и качественные трансформации в производственной,

административной и духовной сферах края, автор проанализировал в контексте общероссийской и мировой истории с опорой на солидный статистический и иллюстративный фундамент – 52 таблицы, 177 фотодокументов, 66 историко-биографических материалов.

В книге последовательно изложены факты участия в битвах с врагом сформированных Уральским военным округом воинских подразделений, показана роль уральских заводов в производстве оружия и боеприпасов, всесторонне отражён вклад деятелей культуры Свердловской обл. в общую Победу. В канву текста также логично вписались очерки о жизнедеятельности выдающихся представителей края, проявивших себя на разных поприщах в годину суровых испытаний.

Собранный в монографии материал, базирующийся на не изученных ранее архивных документах и исследованиях современных историков, способствует укреплению подлинного научного взгляда на историю Великой Отечественной войны. Думается, что представленные на страницах этого издания факты и их авторская оценка будут активно использоваться в научно-исследовательском и образовательном процессах, помогая учёным и преподавателям освободиться,